Без срока давности

Анна Яфор

18+

Анна Яфор

Без срока давности

«Автор»

2021

Яфор А.

Без срока давности / А. Яфор — «Автор», 2021

Когда-то он считал ее идеальной: самой нежной, искренней и верной. Что превратило бесхитростную девочку в расчетливую стерву?Почему тот, кто казался ей лучшим из мужчин, теперь напоминает безжалостного дельца? Или это только маски, которые заставила их примерить жизнь?

© Яфор А., 2021
© Автор, 2021

Содержание

Пролог 6
Глава 1 8
Глава 2 15
Глава 3 21
Глава 4 26
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Анна Яфор
Без срока давности

Я тебя никогда… из души не сотру.
Я тебя никогда… не сумею простить.
Я тебя никогда… ни за что не приму.
Я тебя никогда… не смогу разлюбить.
Каждый сам сочиняет себе эпилог.
В расставании правды – как минимум две.
Каждый верит в свою. Чертит личный итог.
Тот, с которым он дальше пойдет по судьбе.
Окончание фразы впиши себе сам…
Все равно то, что хочешь, ты слышишь всегда.
Не – забуду/ прощу/ вспомню/ трону/ предам…
Помни только одно: Я тебя никогда…
Злата Литвинова

Пролог

На стенах танцевали тени, отбрасываемые чуть колыхаемыми шторами. Раньше ей нравился этот танец, небрежный, непродуманный, подчиняющийся лишь дуновению ветра. Она рассматривала причудливые живые узоры перед тем, как погрузиться в сон, и так к этому привыкла, что стала воспринимать едва ли не ритуалом. Движение тонких занавесок, задернутых за мгновенье до того, как смыкались объятия и начинался иной танец – дурманящий ритм любви. Неповторимый всякий раз. Незабываемый.

Потом, уставшая от наслаждения, прижималась к любимому так крепко, что, казалось, и дышала одновременно с ним. И сердца бились в такт друг другу. И согретая его теплом, она рассеянно любовалась танцующими тенями перед тем, как погрузиться в сладкий сон.

Так было всегда, с их самой первой ночи. До вот этого дня, когда ей впервые не хотелось уснуть после того, как утихла страсть и смягчилось дыхание. Никогда раньше не обращала внимания, как громко тикают часы на прикроватной тумбочке. Их размеренный, неумолимый ход отмерял минуты, секунды, которых оставалось все меньше. Она хорошо знала, что ночь не закончится привычным образом, не получится уснуть в любимых объятьях, отрешаясь от всего окружающего мира. На этот раз все будет по-другому: как не приснилось бы ей в самом кошмарном сне. И даже дышала через раз, не шевелясь, словно это могло хоть ненадолго помочь.

Темнота не приходила, спасительная темнота, что уберегла бы ее от лишних терзаний. Серый сумрак петербургской ночи позволял видеть все слишком явно даже без дополнительных источников света. Воспетое поэтами время стало для нее наказанием, вынуждая смотреть. Смотреть, зная, что каждая черточка лежащего рядом мужчины впечатывается в сознание. Он спал, все еще находясь рядом с ней, но от неотвратимого конца уже некуда было скрыться.

Скорее почувствовала, чем услышала шум подъевшей машины – и тотчас заставила себя подняться, выбираясь из комнаты так же, почти не дыша. Наскоро оделась, стараясь справиться как можно быстрее. Теперь тянуть уже не было смысла, наоборот, любая лишняя минута, проведенная в этом доме, только добавляла проблем.

Когда хлопнула входная дверь, была уже полностью готова. Но только внешне, в действительности же ощущала себя совершенно беспомощной и едва сдерживала дрожь в коленях, нарастающую от волнения. Как ни старалась приготовиться к этой встрече – ничего не вышло: стыд и отчаянье захлестнули с невероятной силой, стоило лишь увидеть вошедшую.

– Пожалуйста! Не рассказывай ему правду. Не надо…

Женщина рассмеялась, но в смехе не было ни грамма веселья – одна лишь леденящая злоба.

– Хочешь остаться в его глазах ангелочком? Боишься, что он тебя возненавидит, когда узнает обо всем? Так же, как ненавижу я? – губы задрожали, искажая красивое лицо и превращая его в маску.

– Прости меня… если бы я могла все исправить…

– Простить?! – в глазах женщины мелькнули злые слезы, – Как же я ненавижу тебя! Откуда ты взялась на нашу голову?! За что?!

За что? – зазвенело эхом в сознании и липкая, удушающая боль сдавила грудь. *В чем моя вина, кроме того, что влюбилась… не в того?*

– Не рассказывай, пожалуйста… – собственная мольба показалась жалкой, а женщина скривилась еще больше и почти закричала, не беспокоясь, что ее крик может быть слышен во всем доме.

– Убирайся! Уходи отсюда и никогда больше не появляйся в нашей жизни!

Несколько часов спустя

Она почти не почувствовала боли, только какой-то странный толчок в животе. Непривычные ощущения, не сравнимые ни с чем, что приходилось испытывать раньше. Тяжесть… и мучительное желание вытолкнуть из себя это… ЧТО???

Ногам стало горячо, и Дина беззвучно охнула, когда на светло-голубой плитке заалели яркие пятна, крошечными брызгами разлетаясь по всему полу.

– Диин? – из-за двери донесся голос подруги. – Динка, ты как? Что происходит?

А что происходит? Что можно было ответить на это, глядя на сбегающие по ногам тоненькие струйки? Ее начало знобить, не от холода – от ужаса, моментом расползшегося по телу. А спазмы в животе усилились. Они по-прежнему не причиняли боли, но от этого было еще хуже. Страшнее. Надежда, до этой минуты еще слабо теплящаяся внутри, угасала, и во всем мире не было силы, способной это предотвратить.

Глава 1

Сна, как всегда, не хватило, а день обещал быть насыщенным, но это не удручало. Наоборот, Дине нравилось такое переполненное событиями время. Сбылась ее давняя мечта о том, чтобы работа приносила удовольствие. Полное удовлетворение, которое возникает лишь тогда, когда чувствуешь себя на своем месте.

Прохладный душ слегка взбодрил, а остальные силы для рабочего дня женщина рассчитывала получить с помощью кофе. Горячий напиток обжег губы, но она улыбнулась, вдыхая любимый аромат. Кофе всегда поднимал настроение, вот и теперь лишь несколько глотков – и пасмурный день как будто стал светлее.

Она привыкла к гулу за окном настолько, что почти перестала его замечать. Поначалу, когда только переехала в этот район, уснуть не могла из-за бесконечно проносящихся по улице машин. Сейчас же наслаждалась утренней тишиной и одиночеством – добрым и редким временем, когда не надо никуда спешить.

Но эта тишина продлилась недолго. Позади раздались шаги, и сильные руки стиснули плечи, вынуждая отвлечься от собственных мыслей.

Мужчина приподнял волосы и скользнул губами по шее вниз, безошибочно находя место, прикосновение к которому было особенно приятным. Легонько прикусил кожу – и Дина вздрогнула: не от боли – от желания, зародившегося в ее теле помимо воли.

– Выспалась? солнышко…

Женщина поморщилась, сделав попытку отодвинуться.

– Денис, я же просила. Терпеть не могу эти дурацкие прозвища. Я не солнышко, не рыбка, не зайка… Ты можешь называть меня просто по имени?

– Солнышко, но я… – он снова провел губами по спине, но на этот раз не вызвал никаких других чувств, кроме раздражения.

– Денис! Ты слышишь, о чем я говорю?! – отстранилась, резко поднимаясь, а когда тот попытался задержать, мотнула головой. – Пусти. Мне пора собираться.

– Я отвезу, – снова притянул ее к себе, осыпая плечи короткими жадными поцелуями. Дина прикусила губу, удерживая смешок: мужчина издавал забавные чмокающие звуки. Это так не вязалось с его обликом! Денис был высоким, статным, действительно привлекательным внешне человеком. И прекрасным любовником. Да и общение с ним привлекало своей легкостью. Почти всегда. Но вот в такие моменты становилось то смешно, то неприятно, и Дина жалела, что сейчас не ночь, когда можно полностью отдаться страсти, не вслушиваясь в раздающиеся при этом звуки, и не обращая внимание, какими словами он опять ее называет.

– Я доеду на метро, – мужчина прищурился, выказывая недовольство, но Дина не собиралась уступать. – А вечером заберу машину, мне обещали, что она будет готова.

– И опять вернешься к ночи? Никакого ужина, никакого семейного вечера…

– Ты недоволен? – ссориться и выяснять отношения не было ни времени, ни желания. Но даже сохранившийся во рту вкус кофе не помог сохранить хорошее настроение. Дина резко почувствовала усталость – а ведь день ещё только начался. – Я тебя не держу, Денис. И честно обо всем предупреждала.

Пошла переодеваться, не оглядываясь на мужчину, но прекрасно зная, что он направился в комнату за ней.

– Не злись. Я только хотел помочь. Ну чего ты…

Она увернулась от очередного поцелуя.

– Спасибо, но не стоит. Я справлюсь. И выйди, пожалуйста, мне нужно переодеться.

– Дорогой… – на шаловливые ласки женской руки тело отозвалось раньше, чем он сам до конца проснулся. Приоткрыл глаза, встречаясь с полным обожания взглядом Маргариты. Она слишком хорошо знала, как доставить ему удовольствие. Изучила за долгое время. Порой и говорить что-то не было нужды, как сейчас, когда хитрая улыбка на губах выдавала намерения женщины, а собственное тело заныло в предвкушении столь желанного наслаждения.

– Шалунья… – ему изменил голос, и Рита рассмеялась, понимая, что дело совсем не в утренней хрипоте.

– Люблю тебя…

Ее желание было ничуть не меньше. Чувствовать. Руками – как напрягаются мышцы, и сильный мужчина покоряется страсти. Губами – прохладу кожи. Вкус, которым невозможно было насытиться даже спустя столько лет, проведенных вместе.

– Что же ты творишь? – он застонал, когда ласки стали смелее.

– Мне прекратить? – Рита приподнялась над ним, отбрасывая с лица золотистые пряди волос и улыбаясь так, что мужчина едва сдержался, чтобы не подмять ее под себя и не ворваться в податливое тело. Резко, глубоко, как хотелось сейчас больше всего на свете. А Маргарита вдруг стала серьезной. Повторила только что сказанные слова, но вкладывая в них уже совсем другой смысл.

– Люблю тебя…

– Иди ко мне, – впился в губы жадным поцелуем. – Я люблю так просыпаться, знаешь? Когда ты рядом, – опрокинул ее на спину, нависая сверху и всматриваясь в потемневшие, полные откровенного желания глаза. – Такая бесстыжая и готовая для меня…

Рита обхватила его за плечи, притягивая ближе к себе, касаясь губами щек, подбородка, шеи – везде, куда могла дотянуться.

– Сережа… – он заглушил шепот очередным поцелуем.

Спустя час в сдержанном, строгом, элегантно одетом мужчине мало что напоминало ненасытного любовника, которым он был совсем недавно.

– Подвезти тебя? – Сергей поправил галстук и обернулся к женщине.

Та покачала головой.

– Нет, езжай. Я попозже. Хочу побыть дома.

Не сказала вслух, но он и так знал, для чего ей нужно задержаться. Знал, что, оставшись одна, Рита заберется в постель, все еще хранящую их общее тепло, и будет «смаковать» пережитое недавно. Маленькая слабость, неизменно вызывающая у него улыбку. Но мужчина не возражал. К чему, если она получает удовольствие не только от самого процесса, но и от его послевкусия? Забавно, да, но ведь и он в чем-то может выглядеть смешным. А жизнь вдвоем как раз и подразумевает примирение со слабостями друг друга.

– Ладно, – кивнул, коротко целуя женщину в висок. – Тогда до вечера.

– Вернешься сегодня пораньше? – Маргарита взглянула на него с надеждой. – Может, поужинаем где-нибудь? Мы так давно никуда не выбирались.

Сергей нахмурился, понимая, что ответ женщине не понравится.

– У меня вряд ли получится, Рит.

– Много работы? – она почти никогда не высказывала недовольства. Вот и сейчас ограничилась простым вопросом, но Сергей слишком хорошо научился понимать ее и не мог не различить проскользнувшую в голосе обиды. Он редко успевал к ужину, а иногда и вовсе перекусывал на бегу, чтобы восполнить силы перед очередной деловой встречей.

Когда же возвращался домой, хотелось не еды, как бы аппетитно она не пахла и как красиво не была бы оформлена, а сна и отдыха. Лишь из уважения к стараниям Маргариты усаживался за стол и всеми силами пытался различить вкус пищи и поддержать разговор.

В чувствах женщины к нему сомневаться не приходилось. Рита ничего не скрывала, да и проведенные вместе годы свидетельствовали лучше любых слов.

По большому счету его все устраивало. Ровные, спокойные отношения, уютный дом, отличный секс и красивая женщина рядом. Они даже не ссорились, если не считать редких и коротких перепалок по мелочам. Вот и теперь Сергей видел, что огорчает ее своим отказом, но при этом хорошо знал, что она все поймет. И примет. Как всегда.

– До вечера, милая, – поцеловал, на этот раз в губы, притягивая к себе на короткое мгновенье. И только убедившись, что в глазах женщины рассеялась обида, позволил себе уйти.

День действительно обещал быть трудным. Его компания не нуждалась в дополнительных подразделениях, но спорить с генеральным прямо сейчас было бесполезно. Если Морозов считает, что бизнес выиграет, когда на предприятии появится дизайнерский отдел, придётся попробовать. Хотя бы с целью убедить директора, что тот ошибается.

Мужчина завел машину и набрал номер секретаря.

– Вера, договоритесь о встрече с этой Михайловой. Да, сегодня, – он вздохнул, представляя, сколько времени это может занять. – Не вижу смысла тянуть. Скажите, что я буду в ее офисе через полтора часа. И сбросьте мне адрес, я поеду прямо туда.

До метро можно было добраться на трамвае, но Дина предпочла прогуляться. Такой возможности давно была лишена. Или сама себя лишила, хоть и невольно. Когда оказывалась в салоне автомобиля, почти сразу же погружалась мыслями в предстоящие дела, а на жизнь города за окном обращать внимание времени не оставалось. Тем более, там все было вроде бы привычным, знакомым донельзя: каждый поворот улицы, каждая вывеска, дома, расположение и расцветку которых она слишком хорошо помнила. Даже неизменный запах дождя – и тот знаком. Но, как оказалось, Дина соскучилась по всему этому. Словно какие-то струны в душе зазвенели, отзываясь привычными ощущениями во всем теле, и в сознании замелькали картинки, то унося в далекое прошлое, то дразня мечтами, которые так и не сбылись.

Утро выдалось прохладным и свежим. Одежда была уместной для поездки на машине, на улице же Дина быстро озябла, но не стала сокращать маршрут, садясь в общественный транспорт.

Чувствовала себя совсем молодой, словно укуталась не в тонкий плащ, а в безмятежность, бесшабашность юности, когда почти неважно, тепло тебе или холодно, когда на такие мелочи ты не обращаешь внимания, поглощенный происходящим вокруг. Ей нравился холодок, разлитый в воздухе, и близость дождя, ощущаемая так явно, будто крошечные капли уже полетели с неба, касаясь кожи даже через одежду.

Дунула, согревая дыханием ладони, и улыбнулась: отогреется на работе, выпив чашечку-другую кофе, а теперь можно просто наслаждаться моментом. Прогулкой в любимом городе, к которому она сейчас оказалась намного ближе, чем прежде. Тишиной, наполнявшей величественные дома, которую не могли поколебать даже проносящиеся мимо машины. Как и ранним утром, Дина задумалась о том, что шум теперь воспринимается совсем иначе, но если дома считала, что просто привыкла, теперь вдруг допустила другое. Смириться человека не заставит никакая привычка, а вот принятие способно на многое.

Ее жизнь вполне можно назвать удавшейся. Есть все, а где-то и больше того, в чем многие нуждаются для счастья. Квартира именно такая, как всегда хотелось. Дина даже этаж выбрала верхний – тот, который казался самым удобным, чтобы из окон был потрясающий вид и никто из соседей не топал над головой. Вроде бы мелочь, но приятно осознавать, что существующие когда-то мечты стали реальностью. А ее работе и положению многие завидуют, и это тоже не может не радовать. Нет, она не была тщеславной, но знание того, что годы напряженной работы

принесли свои результаты и успех больше не является каким-то неясным понятием, дарило удовлетворение.

И в личной жизни тоже все хорошо. Денис – из тех мужчин, с которыми почти всегда легко. И, несмотря на незначительные притирки, у них получается договариваться. Он согласился с ее правилами, а такие мелочи, как случившееся этим утром, – не стоят долгого внимания. Телефон пиликнул, будто в подтверждение ее мыслей. «Хорошего дня, солнышко» – и Дина улыбнулась краешком губ: неисправимый. Но на этот раз не стала раздражаться: вдали от него и нелюбимое выражение перенести было значительно проще.

Пока раздумывала, что лучше написать в ответ, телефон снова ожил, высвечивая имя секретарши. Выслушав как всегда излишне эмоциональный рассказ Вики о запланированной новой встрече, Дина осадила ее.

– Я ведь говорила много раз: прежде, чем договариваться о чем-то, согласуй со мной.

– Но я… – девушка виновато засопела в трубку. – Я смотрела ваше расписание… Там как раз было окно, а меня очень просили организовать эту встречу побыстрее.

– Вика, –Дина медленно выдохнула, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. Не на улице же выяснять отношения с этой девицей! – Я не понимаю, почему чьи-то просьбы ты исполнить торопишься, а о моих тебе все время приходится напоминать. Сколько раз я просила не заниматься самодеятельностью?

– Но вы вчера совершенно точно сказали, что все утро будете в офисе…

Вздохнула, переводя взгляд на воробьев, копошащихся в не успевшей просохнуть после вчерашнего дождя траве. Маленькие, взъерошенные, они смотрелись так забавно, что захотелось рассмеяться: Дина представила, как выглядит сейчас ее секретарь. Получилось очень похоже, и женщина фыркнула, сбрасывая раздражение.

– Ладно, Вика, успокойся. Пусть приезжает, если ему так сильно надо о чем-то поговорить. Но впредь, пожалуйста, не забывай о моих просьбах.

Выслушивать длинную речь с извинениями и обещаниями уже не стала, отключила телефон, убирая его в сумку и заодно выуживая оттуда залежавшийся жетон для метро: она как раз подошла к станции.

Ступив на эскалатор, попыталась вспомнить, когда была здесь последний раз. Три года назад, тогда они с Денисом опаздывали на поезд, застряв в пробке, и пришлось бросить машину и направиться в метро – это стало их единственным шансом успеть. Сейчас же Дина не спешила, и, как маленький любопытный ребенок, вертела головой, рассматривая все вокруг. Раньше ей нравилось выдумывать себе приключения, иногда специально выбирала станцию подальше и отправлялась туда, чтобы сначала осмотреть само метро, а потом обойти каждый уголок в незнакомом районе. Давно это было. Сейчас таких желаний не возникало. Наверное, на все есть свое время… Ее время таких вот простых забав осталось в далеком прошлом, взрослой, состоявшейся женщине несолидно кататься просто так.

«Ну вот, теперь я философствую» – Дина зашла в вагон и вздохнула, отгоняя мысли, способные расстроить. Это было ни к чему: впереди насыщенный событиями день, и для него понадобятся силы. Да и вообще, уже вечером она окажется в салоне своей машины и еще долго-долго не вспомнит снова ни характерный запах метрополитена, ни неповторимую архитектуру станций, ни все то, что связано с ним и зачем-то цепляет ее прошлое.

Размышления прервала трель мобильного, и сидящая рядом девушка вздрогнула, суетливо начав рыться в сумке в поисках телефона. А когда взглянула на экран, ее лицо озарилось радостью, такой искренней, что и Дина не сдержала улыбку. Это было красиво: почти осязаемое счастье. Правда, наивно. Глупышка. Пока не понимает, как непрочно, эфемерно такое удовольствие. Сейчас ты доволен, кажется, весь мир поддерживает тебя, и любовь близко, протяни руку – и коснешься. Но вот удержать вряд ли получится. Эйфория скоро пройдёт, а про-

зрение окажется болезненным. Но девочка ничего этого пока не знает, наверняка считая, что у ее счастья не будет конца. А конец приходит всегда, это только лишь вопрос времени.

Дина продолжала улыбаться, не сводя глаз со своей случайной соседки, но теперь эта улыбка была скорее сочувственной. Разубедить бы девушку, пока не поздно, да только не станет она слушать. Влюбленные все такие: им кажется, будто весь мир полон красок, которые никогда не померкнут. Дина и сама была такой же, пока не поняла, насколько проще жить, не задыхаясь от переполняющих чувств. Легче дышать, а боль, что иногда цепляет душу, так же быстро проходит.

Уже на своей станции, перед тем как выйти, бросила последний задумчивый взгляд на незнакомую девушку: та по-прежнему улыбалась, что-то набирая на телефоне. Не трудно догадаться, что именно: ее выдавали подрагивающие, улыбающиеся губы, наверняка произносящие те самые слова, что она писала кому-то далекому и одновременно близкому для нее в этот момент.

«Дурочка…» , – прошептала Дина, отводя взгляд, и заставила себя сосредоточиться на работе: отсюда до ее офиса было рукой подать.

Вика торопливо поднялась навстречу, опять начав бормотать извинения, но женщина коротким жестом остановила ее. Терпеть не могла такое лебезение: ей самой вполне хватило объяснений по телефону. Будь чуть больше времени, не преминула бы объяснить девчонке, как на самом деле нужно себя вести секретарю, чтобы соответствовать занимаемой должности. А так, придется отложить разговор на потом: до назначенной встречи оставалось всего ничего, а ей еще хотелось посмотреть информацию об этом Астахове.

Когда-то эта фамилия казалась редкой: примеряя ее к себе, Дина почему-то была уверена, что такой не будет больше ни у кого в их окружении. И вот она все же встретилась, хоть и спустя столько лет.

Но искать материалы не пришлось: взглянув в принесенные Викой бумаги, Дина беззвучно охнула.

Не однофамилец. Что это: ирония судьбы или ее наказание? Выходит, не за все еще заплатила?

Всерьез полагала, что они никогда не увидятся. Больше: надеялась на это.

Так было бы лучше.

– Дина Валерьевна, – Вика заглянула в кабинет. – К вам Астахов Сергей Николаевич.

– Приглашай, – женщина отодвинула бумаги, поднимая глаза к двери.

Ей бы хоть несколько минут, чтобы справиться с волнением. Но раз нет, значит, придется довольствоваться тем, что есть. В конце концов, все давно в прошлом.

Не составило труда оценить дорогой костюм, подчеркивающий достоинства фигуры. Даже Дина с ее привередливостью не смогла бы ни к чему придраться. У Сергея и прежде был отменный вкус, а с годами способность выбирать лучшее лишь отточилась ещё больше. «Роскошный» – самое верное определение, которое можно было бы дать. Раньше и глаза поднять не осмелилась бы, смущаясь столь дерзкой привлекательности. Теперь же любовалась, рассматривая его почти беззастенчиво. Как, должно быть, горда та, что идёт рядом с ним по жизни. Ведь он наверняка не один.

Взгляд скользнул по плечам, и где-то внутри кольнуло: оказывается, она до сих пор помнит, каково это: обнимать их, пряча лицо на груди и чувствуя удары сердца. Хотя можно ли было не вспомнить, когда он оказался так близко? Опустила глаза, рассматривая браслет на запястье. Часы подчеркивали и стиль, и достаток. И смотрелись великолепно на его руке. Как и кольцо.

Дина отметила его наличие почти машинально. Несколькими мгновеньями раньше зародившаяся внутри ностальгия не стала сильнее. С чего бы ему быть одному? Сергей из тех, чья

близость – награда, а той, что надела кольцо на его палец, повезло. Улыбка вышла горькой, но неизбежной: ведь мечтала о том, чтобы у него все сложилось. Хоть и без неё.

Улица гудела, как всегда в это время. Да и не только в это. Рита выбрала шумный район, поближе к центру: любила добираться на работу пешком. Странная, по его мнению, прихоть, но Сергей уступил, поддался желанию женщины. Самому, по большому счету было все равно, где жить. Он был довольно неприхотлив в быту, научился обходиться даже минимумом удобств, а на внешние шумы мало обращать внимание. Старался только выходить из дома пораньше, чтобы избежать характерных для утра пробок.

Сегодня повезло: улица была довольно свободной, и Сергей удовлетворенно улыбнулся, направляясь к машине. Хорошо, значит быстро доедет до нужного места, разберется с этим дизайнером и с чувством выполненного долга займется уже собственными делами.

В небольшом цветочном павильоне, расположенном прямо во дворе, как раз разгружали товар. Ветер донес свежий аромат, а не заметить огромную коробку с розами на длинных стеблях было невозможно: их яркие, пурпурные лепестки и на расстоянии притягивали взгляд.

Будто воочию увидев реакцию Риты, Сергей резко развернулся от машины, направляясь к магазинчику. Несколько минут ничего не решат, если все-таки и попадет в пробку – невелика цена. Он и так уделяет женщине слишком мало внимания. А цветы… когда же дарил их в последний раз? Нахмурился, понимая, что не может вспомнить, и перехватил внимательный взгляд продавщицы, при его появлении отложившей приемку товара.

– Я могу вам помочь?

– Можете, – Сергей сдержанно кивнул, ругая себя за невнимательность к Рите. Очередной ляп – и как она только терпит? Впрочем, знал о причинах терпения. Хорошо знал, оттого и чувствовал себя в такие моменты крайне неловко, осознавая, как много недодает.

– Пятнадцать роз, пожалуйста. Этих, – указал на только что внесенную в помещение коробку с цветами. – Нет, упаковка не нужна, – покачал головой в ответ на предложение оформить: помнил, как сильно Рита не любит шуршащее убранство букетов. – Только лента. И пригласите курьера, я хочу, чтобы их доставили прямо сейчас, – и черкнул несколько строк, вкладывая записку в букет.

Мобильный затрезвонил, едва Сергей оказался в салоне автомобиля. Рита плакала и смеялась одновременно, а разобрать что-то внятное в потоке восторженных слов было довольно трудно. Поставить, что ли, себе напоминалку в телефон, чтобы делать это почаще? Ведь нетрудно же купить цветы, а ей теперь обеспечено хорошее настроение до самого вечера, даже если он действительно не вернется к ужину.

Рита говорила долго, но Сергей не стал прерывать. Пусть. То, что для него почти не имело значения, для нее так дорого и бесценно – для чего разубеждать? Он не станет этого делать. Лишь подъезжая к пункту своего назначения, позволил себе остановить льющийся поток признаний.

– Милая, мне нужно на встречу. До вечера, хорошо? Я постараюсь еще позвонить, – и отключил телефон за мгновенье до того, как прозвучал вопрос, ответа на который у него не было.

В офисе оказалось на редкость… Сергей отбросил слово «уютно», которое больше подошло бы для домашней обстановки, чем для этого места. Но в том, что он сейчас видел, царила гармония. Он не любил вычурности в интерьере, хотя и не считал нужным тратить много времени на его обустройство. Не стоило оно того: какая разница, где работать, если нужные дела выполняются? Еще в молодости часто спорил об этом с Диной, которая всегда утверждала обратное.

Мужчина резко остановился, будто врезаясь в невидимую стену, ошеломленный неожиданно пришедшими воспоминаниями. Как странно, подумал о ней впервые за много лет. Или,

быть может, наконец-то позволил себе подумать. Только теперь позволил, когда был уверен, что эти воспоминания не принесут боли. Все давно перегорело.

Интересно, какой она стала. Хотя нет, не интересно. Лучше бы ему этого не знать и больше никогда с ней не встречаться.

Потянувшись к дверной ручке, улыбнулся, понимая, что даже такая мелочь подобрана в стиле всего остального. Что же, генеральный, видимо, не прогадал, на самом деле найдя профессионала. До этого им с дизайнерами катастрофически не везло. Если на этот раз все окажется иначе, Сергей окажется только рад.

А в следующее мгновенье стиснул зубы почти до скрипа, удерживая ругательство. Разумеется, это было совпадение. Директор вряд ли навязал бы ему сотрудничество с ней… с этой… если бы знал. Но он не знал. Никто не знал. Все случилось слишком давно и не стоило ни внимания, ни воспоминаний. И уж тем более не было повода делиться с кем-то посторонним тем, что давно осталось в прошлом. Осталось, но и след свой оставило, как оказалось. То самое чувство, которое Сергей переживал тогда: острая потребность встряхнуть, вытрясти правду, добиться признания. Ему, никогда в жизни не поднимающему руку на женщину, сейчас было трудно устоять на месте, не ринуться к ней, возвращаясь к тому, где они когда-то остановились, так ничего и не прояснив.

А она опять улыбалась, только теперь в ее улыбке не было ни малейшего оттенка вины. Спокойная, уверенная в себе и красивая настолько, что даже охватившая его злость не превзошла вспыхнувшее одновременно желание.

– Как, оказывается, тесен мир… не так ли, Дина Валерьевна?

Глава 2

Он подошел ближе, и Дине показалось, будто кто-то перемотал кадры на старой пленке, и перед глазами мелькнули события давно прошедших лет. И Сергей – такой же, как тогда. Та же ярость в глазах, желваки на скулах и сжатые в кулаки пальцы. А у нее – сумасшедшее желание, чтобы он все-таки ударил. Не сдерживая себя. Позволил бы совершиться тому, что когда-то остановил.

Всегда презирала насилие, внушая подругам, что у любви с болью нет ничего общего, и если мужчина делает что-то подобное, то рядом с ним нельзя оставаться ни на минуту. Но только в ее случае все было иначе. Сергея бы оправдала. Да только знала, что не случится этого, и злость, что переполняла сейчас его, не найдет выхода. Не так. А значит, тот камень, что столько лет мешает дышать нестихающим чувством вины, и теперь останется на сердце. И облегчение по-прежнему не наступит.

Аромат его парфюма внезапно перебил другой запах – тот, что стойко отложился в воспоминаниях, время от времени напоминая о себе, всегда неожиданно и неуместно. Болезненный, душный запах лекарств. Дина на мгновенье прикрыла глаза – и будто воочию увидела потрескавшиеся белые стены старой палаты. Сбившиеся жестковатые простыни, которые она тогда отчаянно теребила ослабевшими и непослушными пальцами, как будто это могло придать сил или уберечь от проникающего, разъяренного взгляда мужчины. И от его голоса, в котором смешались обида и ненависть.

– Как ты могла?! Дина?! Почему?!

Как могла? Она и не знала, что ложь окажется такой доступной. Что лишь изнутри жжёт, будто кислотой, а губы при этом способны изображать улыбку. Именно тогда впервые и начала улыбаться, затаивая внутри нестерпимую боль. И лгать, глядя ему в глаза – тому, кому доверяла больше, чем себе.

– Правда всегда приносит боль, Сереженька… Ты верил в то, что тебе хотелось.

– Мы же хотели ребёнка, – он не спросил, не попытался уточнить – заявил это как непреложный факт. Хотели. За проведенный вместе год Дина столько раз строила планы и… приглядывала в магазине крошечные наряды. Не могла удержаться от потребности сделать это с того самого мгновенья, как поняла, что любит. Любит и с ним одним желает пройти по жизни, засыпать рядом, улыбаться каждый день и слышать детский смех.

Они много об этом говорили, мечтая уже вдвоём и вместе «примеряя» имена. Оттого Сергей и был уверен… до той самой минуты.

– Тебе этого хотелось. А мне было удобно, чтобы ты поверил.

– Что за чушь ты несешь?! – тогда он впервые повысил на неё голос, резкий тон звучал почти криком и даже больничная обстановка его не остановила. В любых иных обстоятельствах Дина бы обиделась, но не теперь, когда понимала, насколько Сергей прав, а она – заслужила.

– Я еще очень молода, Сереж… – постаралась придать лицу отрешенное выражение, хоть и понимала, насколько это неправдоподобно. – Да, был момент, когда мысль о ребёнка показалась мне привлекательной, но… – вскинула на него глаза. – Но я не хочу! Не хочу связывать себя памперсами, кормежками, бессонными ночами… Это моё право, Серёжа! Нам хорошо вместе, но зачем спешить с детьми?!

В его взгляде недоумение сменялось раздражением. И болью. Дина отчетливо видела эту боль, и при мысли о том, что сознательно её причиняет, в груди нарастал мешающий вздохнуть ком.

– И поэтому ты сделала аборт? Решила все сама, даже не посчитав нужным поставить меня в известность о своей беременности? – его лицо побелело, становясь похожим на

маску, а глаза наполнились таким гневом, что ей стало страшно. И одновременно внутри зародилось странное желание добавить. Усугубить все настолько, чтобы назад уже точно не было пути.

– А ты бы разрешил? – Дина заставила себя улыбнуться. – Стал бы опять нести весь этот бред про любовь, про то, какая из нас получится хорошая семья… – дернула плечом, изображая пренебрежение, и едва сдержалась, чтобы не скривиться от боли, волной прокатившей по телу. Как странно, она ничего не чувствовала вначале, когда все случилось, а сейчас, после операции, не знает, как повернуться, чтобы достичь хоть какого-то облегчения.

Но Сергей ничего этого не заметил. Приблизился к кровати, склоняясь к самому лицу. От сгустившейся в его глазах черноты Дина задохнулась.

– Прости, милый. Я не хотела тебя обидеть. Но и ты должен понять…

– Понять что?! – рявкнул, перебивая, впиваясь пальцами в ее плечи. Руки, что еще несколько часов назад ласкали, даря наслаждение, теперь казались чужими – такими резкими были движения мужчины. – Что ты лгала все это время? Дина, я не верю…

Приподнял с постели, притягивая к себе, смягчаясь на короткое мгновенье и пытаясь что-то рассмотреть в ее глазах. – Родная… девочка моя… скажи мне правду. Мы все сможем решить, вместе. Я люблю тебя.

Теперь физическая боль казалась ей ничтожной по сравнению с той, что разъедала изнутри. И как могла подумать, что все окажется несложным? Это было нестерпимо, от нарастающей и переполняющей её существо тоски хотелось завыть, и Дина с ужасом понимала, что это только начало. Дальше будет ещё хуже. Еще больнее. Без него. С самостоятельно взваленным на плечи грузом лжи и предательства.

– И я… – слово «люблю» застыло на губах, такое бессмысленное и нелепое сейчас. Разве можно любить, собственноручно разрушая то, что они созидали столько времени. – Я очень хорошо отношусь к тебе. Но иначе я не могла. Прости, пожалуйста.

Ее мутило от собственных слов, от их неискренности, но начатое надо было довести до конца. Конца того кошмарного дня. Конца отношений. Конца надежд.

Теперь ей не надо было уже прилагать усилий, чтобы сохранить лицо непроницаемым. Даже перед тем, кого когда-то любила.

Да и что такое любовь? Раньше Дине казалось, что так называется величайшее чувство, для которого нет ни преград, ни расстояний. И любящие люди способны преодолеть все на свете, чтобы быть рядом. Когда-то…

Правда вышла иной. Она слабая, эта любовь, или не любовь совсем. Можно ли назвать так то, что причиняет боль? Обескураживает, лишая опоры под ногами? Куда проще жить, минуя подобное… Или это сама Дина так и не научилась любить, а переполняющее её чувство оказалось простым эгоизмом. Теперь уже все было неважно.

Она не любила вспоминать то, что осталось в прошлом. В этом не было смысла. Большой город поглотил своей суетой, и рассчитывать на встречу не приходилось. Разные районы, разные дела, разные судьбы – они словно превратились в две параллельные вселенные, которые вроде бы и могут оказаться поблизости, да вот только не пересекутся никогда.

Но сейчас смотрела на суровое, когда-то родное лицо и понимала: ошиблась. Встреча стала реальностью, какой ни была бы нежеланной.

Дина покрутила в руках карандаш с логотипом компании, задумчиво рассматривая придуманный ею же символ. Сколько времени она тогда потратила на это? Больше недели. Без аппетита, почти без сна бродила по дому, думая лишь о том, что ее идея должна быть самой лучшей. Хотелось произвести впечатление сразу на всех: на директора, все ещё сомневающегося в ее способностях, на конкурирующую фирму, откровенно жаждущую увидеть провал маленькой компании, даже соседкам по кабинету, со снисходительными улыбками посматривающим в ее сторону. Всем. Понимала, что это стремление отчасти наивно, но ничего не могла

поделать. Это было как будто доказательство себе самой. Что она сможет. Что чего-то действительно достигла и не только на словах.

Глупо спасаться от сердечной боли в работе, потому что никакие дела не заменят того, без которого тяжело дышать. Но ей ничего больше не оставалось тогда. А сейчас, оглядываясь назад, понимала, что поступила бы также. Не потому, что считала это верным – из-за того, что так было проще. А она трусиха, предпочитающая, чтобы Сергей ненавидел ее за слабость и ложь, но не за то, что разрушила жизнь дорогого для него человека.

Перелом наступил именно тогда, хотя прошло уже целых два года с их с Сергеем ссоры. Ссоры? Дина усмехнулась: нет, это носило какое-то иное название. После ссоры возможно помириться, что-то выяснить, исправить. Просто пережить. После того, что пролегло меж ними – лишь держаться как можно дальше друг от друга. Это так хорошо получалось столько лет. Она работала, увлекалась, мечтала… Жила, как сотни других людей, лишь старалась не заглядывать в тот дальний уголок души, где так и зажили раны.

Она рассматривала этот дурацкий карандаш, словно на всем свете не существовало ничего важнее. И нисколько не волновалась, не краснела под пристальным взглядом мужчины, как прежде. А ему бы хотелось этого: увидеть хоть какую-то слабость в ней или сожаление. Но нет: Дина была уверена в себе, спокойна и равнодушна. Будто их ничего не связывало. Будто вечность назад они не казались друг другу единым целым. До того, как…

А ведь тогда женщина улыбалась очень похоже. Не плакала. Странно, а ведь он любил её улыбку. И представить не мог, что наступит момент, когда ему захочется увидеть, как родные глаза застилают слезы.

Но родной Дина уже не была, а причинить ей боль хотелось все сильнее, и если он мог удержать себя от физических действий, то остановить колкие слова не получилось.

– Хорошо выглядишь, – женщина подняла на него взгляд, будто выверяя, насколько искренне он говорит, и Сергей усмехнулся: – Но ты ведь это и сама знаешь, не так ли? Привыкла к комплиментам?

Теперь настойчивость директора, уверенного в необходимости сотрудничества с «замечательным дизайнером» воспринималась совсем иначе. Вот только интересно, чем на самом деле очарован генеральный: работой Дина или ею самой? Последнее казалось куда более реальным: достаточно вспомнить, как сам потерял голову когда-то.

Прошелся цепким взглядом по лицу с идеальным макияжем – и память вновь отбросила назад, к той девочке, что стеснялась выйти на улицу, накрашенная чуть ярче обычного. Теперь же может ли хоть что-то ее смутить?

Нарочито медленно опустил глаза к вырезу блузки, позволяя фантазии рассмотреть и кружево белья, и нежность бархатной кожи под ним.

Дина перехватила его взгляд и улыбнулась: знала, какое впечатление производит. Изящные пальцы поправили прядь волос, выбившуюся из прически, будто невзначай соскальзывая на шею и касаясь груди.

Мужчина повторил их движение глазами, еще сильнее раздражаясь. Накатившее несколькими минутами раньше желание стало еще острее, как и злость, пронзившая все его существо. Он не должен был чувствовать ничего подобного. Ни к ней. И плевать, что красива настолько, что перехватывает дыхание. За роскошной оболочкой – ложь.

Шаг вперед, другой, третий – и вот они уже настолько близко, что можно дотронуться рукой. Но разум возобладал – и Сергей поморщился, сожалея сразу и о случившейся встрече, и о невозможности уйти прямо сейчас. Придется работать, наплевав на все остальное. И чем быстрее начнут, тем скорее он освободится от этого неприятного общества.

– Кофе, Вика. Два.

Секретарша застыла в дверях, снова раздражая своей неуверенностью. Заметить попытку угодить было нетрудно: Сергей и на эту девчонку произвел впечатление. Дина уже знала, что сейчас услышит: учтивый вопрос о его предпочтениях. И прежде, чем Вика действительно заговорила, уточнила сама:

– Какой ты будешь? Черный, со сливками? Или капучино, если хочешь.

– Кофе? – голос прозвучал глухо, и Дина подняла глаза, наталкиваясь на вопрос в его взгляде. Пожала плечами, поясняя:

– Моя секретарша варит замечательный кофе. Нравится даже привередливым клиентам. Какой хочешь? – я попрошу сделать.

Мужчина сощурился, рассматривая ее. Показалось, или в уголках губ действительно спряталась усмешка?

– На твое усмотрение.

Дина согласно кивнула, будто ждала именно этого ответа, и обернулась к девушке.

– Вика, тогда мне эспрессо. И не забудь сахар. А Сергею Николаевичу… – пауза в словах была почти незаметной, словно легкий вздох, задержавший лишь на мгновенье, – то же самое, пожалуй, ты же не против?

На этот раз Вике надо было отдать должное: она ничем не выдала своего изумления от странного пожелания. Черный кофе Дина не пила, а сахар в офисе существовал только для посетителей: ни она, ни ее ассистент терпеть не могли вкус сладкого напитка.

– Хороший выбор, – Сергей хмыкнул и кивнул секретарше: – Да, Вика, будьте добры, мне то же, что и Дине Валерьевне.

Аромат, наполнивший кабинет, был чудесным. Но и только.

Зачем она задумала эту глупость? Кому и что хотела доказать? Самой себе, что теперь ей все равно? Что они ничего не помнит? НИ-ЧЕ-ГО.

Но попытка самообмана провалилась, а непривычный, нелюбимый вкус окончательно испортил настроение. В груди нарастало раздражение, и оставаться невозмутимой было все труднее, особенно когда прошлое подошло так близко, что стало почти осязаемым.

Она прекрасно помнила его вкусы. Больше: предпочитала то же. Уже много лет, с тех самых пор. Ведь Дина именно с ним, тогда, распробовала вкус кофе. И влюбилась не в напиток, как таковой, а в своеобразный ритуал. Когда густой аромат щекочет нос, прогоняя сон. Научилась чувствовать вкус еще до того, как он действительно ощутится на языке, угадывать по запаху, каким будет первый глоток.

Они экспериментировали. Так часто. С крепостью, количеством сахара, пушистой сливочной пенкой. Выбирали то, что больше нравится обоим, чтобы в итоге больше не задавать вопросов. Знать, прежде чем желание промелькнет в глазах, что именно нравится любимому человеку. В какое время, какой температуры и из какой чашки.

Дина запретила себе вспоминать, но знала и сейчас. Просто знала. Он до сих пор выбирает Хаусбрандт Гурме, тот сорт, за которым вчера сама заставила Вику ехать на другой конец города. Но Сергею предложила другое. Обычный кофе. Бодрящий, но не волнующий. Ароматный, но такой, вкус которого невозможно вспомнить уже спустя несколько минут. А их общее прошлое не имеет ничего общего с дурманящим запахом напитка, без которого она не представляет своего дня.

Раньше ты бы никогда не согласился пить то, что не хочешь.

От приторно-сладкого вкуса хотелось поморщиться, а глубокий, насыщенный цвет вызвал досаду. Дина вдруг совершенно неожиданно вспомнила, как сравнивала цвет кофе с цветом его глаз. И как они вдвоем смеялись. А потом…

Сергей смотрел так пристально, словно хотел увидеть то, что происходит внутри. Все сокровенные мысли, те, в которых и себе не хотелось признаваться. И, кажется, получал удовольствие от этого кошмарного кофе. Или очень хорошо скрывал свое истинное отношение.

Хотя зачем? Он никогда не притворялся. Видимо, это Дина совсем разучилась его понимать. А вкусы за столько лет вполне могли измениться. Если уходят чувства, оставляя после себя лишь пустоту, что говорить о пристрастиях к какому-то там напитку?

У нее получилось улыбнуться, изображая удовлетворение. Опыт многолетней игры сослужил добрую службу: это почти не составило труда. Да и в конце концов, не все ли равно, что пить? Даже хорошо, что ужасный вкус отвлек от всего остального.

Ей не хотелось работать с Сергеем. Фамилию своего будущего партнера Дина услышала еще несколько дней назад, когда директор рассказал о новых планах и о том, что дизайнерский отдел теперь займет в компании особое место. Она привыкла к таким вот неожиданным поворотам судьбы. То, чем занималась, ей нравилось, на это уходило почти все свободное время, – как раз то, что нужно. Вот только фамилия, когда-то хорошо знакомая, не вызвала никаких ассоциаций. Раньше, сначала, вздрагивала, стоило увидеть на улице кого-то хотя бы отдаленно похожего. А при имени «Сергей» сердце начинало биться так, что становилось трудно дышать. Но в огромном городе это имя встречалось каждый день. В офисе, в магазинах, в транспорте, почти везде. И боль, разрывающая душу, постепенно стихла. Дина перестала ждать встречи, бросаться к телефону при каждом звонке в отчаянной надежде, что на этот раз все переменится, мужчина позвонит, придет и сможет услышать то, что она не решилась сказать. Жизнь без ожиданий оказалась намного проще, и теперь тот мир, что сделался родным и привычным, Дина не собиралась менять. И как бы ни было сейчас неприятно видеть мужчину, она это ни за что не покажет. И если Сергей готов работать вместе, то и она не станет противиться. Он обычный человек, просто мужчина, такой же, как все. И плевать, что когда-то был для нее целым миром.

Отчего осознание того, что она не помнит, так неприятно царапнуло где-то внутри? Сергей всматривался в спокойное, равнодушное лицо, пытаясь увидеть хоть какие-то признаки лицемерия, фальши, но казалось, Дину не интересует ничего, кроме этого самого карандаша, который женщина продолжала крутить в руках. В самом деле, не помнит? Как ощущается аромат кофе, заменивший звонок будильника? Что значит пить вдвоем, из одной чашки, когда не знаешь, какой вкус тебе больше по душе: самого кофе или ее губ, тепло которых сохранилось на тонком фарфоре?

«Какого лешего меня занимает то, что творится в ее голове?!» – унять злость не получалось. Раздражало почти все. Одета слишком вызывающе (с каких это пор дизайнеры похожи на шлюх?). А у него словно и не было всего лишь два часа назад потрясающего секса с замечательной женщиной. Кончики пальцев зудели от желания повторить рисунок кружева на белье, угадывающемся под блузкой, коснуться бархата кожи, ощутить биение тоненькой венки на шее… руками… губами… И стереть с ее лица равнодушную улыбку, чтобы увидеть настоящую Дину. Хотя, с чего он взял, что сейчас она не настоящая?

Женщина, знающая себе цену. Такие не нуждаются в комплиментах и удостоверениях в своей привлекательности.

Память опять некстати подкинула картинку из прошлого: совсем юное лицо, окрашенное нежным румянцем смущения. Ему так нравилось видеть, как она робеет, теряясь от внимания к себе. Редкое свойство. Был очарован, словно впервые влюбившейся мальчишка, искренностью, чистотой, доверчивой нежностью и той первой страстью, которой Дина тогда только училась. Ощущение умопомрачительного счастья от того, что в твоих руках, благодаря тебе рождается женщина, обретает способность любить и желать, было не сравнимо даже с непреходящей потребностью ощущать её рядом. Ему, никогда не придававшему значения романтике, захотелось раз за разом придумывать что-то новое. Удивляя необыкновенную девочку и вызывая восторженную улыбку на ее губах. Это получалось так хорошо, очень быстро став

для них обоих естественным и необходимым, но завершилось быстрее, чем можно было хоть немного насладиться.

Сейчас же, наблюдая холодную уверенность и надменность, сквозящую в каждом жесте, Сергей думал о том, как ошибся когда-то, поверив в ее игру. Не может человек меняться так сильно. И права была сестра, назвавшая Дину лгуньей. Та и вправду лгала, зачем-то выдумав любовь, которой не существовало и в помине.

А теперь видна ее истинная сущность. И потому совершенно неважно, что она и стала ещё красивее и желанна настолько, что это причиняет боль. Справиться с похотью нетрудно, а никаких других чувств женщина не заслуживает.

– Отличный кофе, – Сергей отодвинул пустую чашку, всматривалась в непроницаемое лицо. – И давай, наконец, перейдём к делу, у меня мало времени. Директор уверен, что в штате нужен дизайнер. То, что я успел увидеть, – он демонстративно окинул взглядом офис, – неплохо, но наша компания нуждается в специалисте высочайшего класса. Просто любитель своего дела не пойдёт. Надеюсь, ты справишься с возложенными на тебя обязанностями.

От собственных слов на душе отчего-то сделалось мерзко, но вновь поддаваться ощущениям Сергей не собирался. Не сейчас. И не с ней.

Глава 3

– Пообедаем вместе? – Дина не смогла бы объяснить, откуда взялось желание позвонить Денису и назначить ему встречу посреди рабочего дня. И было ли это желание вообще. Но она бросилась звонить почти сразу, едва только за Астаховым закрылась дверь. Даже не разозлилась, услышав в трубке привычное «Да, солнышко». Ей словно хотелось этим общением с Денисом удалить послевкусие, оставшееся от неожиданной встречи с прошлым. Именно прошлым. Все давно кончилось. Осталось там, за стеной прожитых лет. Боль, обиды, ошибки сплелись в один комок, а она постаралась запрятать его в глубине души. Так глубоко, куда и сама предпочитала не заглядывать. Разве что изредка и случайно.

А теперь отрешиться не могла. Выбросить его из головы. Снова и снова прокручивала в голове каждое мгновенье в кабинете, ругала себя за избыток эмоций, за то, что не смогла поступить так, как много раз представляла: не осталась безучастной и равнодушной. Как с любым другим сотрудником. Сердце ныло, а глаза щипало, и ничего сделать с этим не получалось. Оттого и позвонила Денису в отчаянной попытке забыться.

Он удивился, даже не пытаясь скрыть свое изумление. Дина знала, что реакция будет именно такой: за годы, проведенные вместе, это был их первый подобный обед. Спонтанный, неожиданный. Знала, что Денис не ждал ничего подобного. Давно уже не ждал. Это вначале он все пытался вытащить ее куда-то, устроить так называемое свидание с соблюдением всех необходимых канонов. Были цветы, были свечи, была волшебная музыка и изысканные блюда в дорогих ресторанах. Подарки и слова, от которых должно было захватывать дух. Но не захватывало почему-то. Она ценила его старания, видела чувства, которые отчетливо прорывались почти в каждом действии, но не могла заставить себя отреагировать так, как ему хотелось.

Знала, что мужчина ждет совсем другого, раз за разом предпринимая новые попытки произвести на неё впечатление. Но ничего не могла поделать с собой.

Сердце упрямо не отзывалось, а вместо ответных признаний хотелось уколоть. Сознательно сделать больно и заставить уйти.

Иногда Дина сама пугалась своего равнодушия. Он был красив, обладая той самой внешностью, которая ей нравилась. Строгая, сдержанная привлекательность, жесткие, мужественные черты, подтянутая фигура. Образ, который частенько рисовался в девичьих мечтах в юности, разве что черты лица угадать не удалось. Но Денис ей нравился, нравился так сильно, словно кто-то специально сделал подарок, посылая встречу с тем самым. Отношения с ним льстили её самолюбию, а тело нередко ныло от желания снова поскорее ощутить рядом. Вот только в душе оставался холод, который никак не таял. Ни от подарков, ни от слов, ни от лишающей сдержанности близости. И порой, засыпая в его объятиях, Дина с ужасом ловила себя на мысли, что если вдруг все закончится, она даже не будет сожалеть. Если он захочет уйти, встретив другую женщину, – не попытается удержать. И вряд ли вспомнит иначе, как о том, что просто прошло. Словно обычный вчерашний день, который завершился, не оставляя следа.

Он заказал её любимый суп, и Дина, вдохнув пряный аромат, попыталась расслабиться. Не хотелось оправдываться и что-то объяснять. И аппетита не было абсолютно. Она стремилась забыться проверенными многократно способами. Вкусным обедом. Бокалом хорошего вина. Покрепче. И неважно, что дел ещё до вечера более чем достаточно, и не помешала бы ясная голова. Никакой ясности и так уже не осталось – одно смятение. А ведь Дина была уверена, что уже ничто не способно ее повергнуть в такое состояние.

– Солнышко, ты обо всем можешь рассказать мне, – Денис всё-таки не выдержал и, всматриваясь в ее глаза, попытался проникнуть дальше, как раз туда, куда пускать его она не собиралась. Как будто пока молчала, это как-то сдерживало рвущиеся наружу переживания.

Смотрел так пристально, что от этого взгляда хотелось спрятаться. Мужчина не отличался особой проницательностью, но сейчас слишком очевидным было ее смятение. Дина знала это, чувствовала, как сбивается дыхание, как дрожат пальцы, будто от озноба. Кусала губы и изо всех сил старалась отвести глаза. Чтобы не выдать саму себя. Хотя, что ей было выдавать? Она не строила никаких планов, не допустила ничего постыдного. Отчего же давила на сердце вина? Пережитое когда-то постучалось так некстати, и сбросить его груз с плеч хотелось все сильнее. Любым способом, пусть даже в объятьях того, к кому за эти годы женщина так привыкла.

– У тебя что-то случилось? – перехватила его внимательный взгляд и поняла, что ответить не может. Именно потому, что Денис был прав.

Случилось. Прошлое случилось. Подошло очень близко, протяни руку – и можно коснуться. Прошлое в облике мужчины, которого бы она предпочла никогда больше не видеть. А ей хотелось отмотать время назад и вообще не пойти на работу. Остаться дома, в надёжной тишине родной квартиры. Спрятаться там от нежеланной встречи и от собственных воспоминаний.

Пальцы Дениса скользнули под край рукава тонкой блузки, поглаживая запястье.

– Я знаю куда лучший способ справиться с напряжением, солнышко.

Обычно раздражающее обращение сейчас Дина пропустила мимо ушей. Не до этого было. Отчего-то ухватилась за его слова, как за спасительную соломинку. А ведь он прав. Желания, что ожили в ее сознании, не поддавались логическим объяснениям. Встреча, воспоминания… Да она просто устала и не выспалась – оттого все это так повлияло. Жила ведь столько лет без него. И не думала почти. С чего бы теперь возвращаться туда, где давно уже нет ничего, кроме осколков, рассыпавшихся по самым потаенным уголкам души. Острых и колючих осколков, которых лучше вообще не касаться, чтобы не добавлять боли. Ее было слишком много тогда. Больше – никогда. Не нужно ничего подобного.

– Тебе не надо спешить на работу? – подняла глаза, ощущая, как от откровенного желания во взгляде мужчины становится жарко. Ждала какой-то шутки в ответ, но Денис даже не улыбнулся. Сжал ее ладонь, нарочито медленно прижимаясь к ней губами.

– Работа подождет.

Почему от его горячего дыхания сбилось ее собственное? Сдавливающая сердце боль как будто стихла, уступая место другим ощущениям.

– А ты? – Дина произнесла это шепотом, поражаясь, как в одно мгновенье его глаза сделались почти черными от желания. И ей это определенно нравилось.

– А вот я – вряд ли.

Он подозвал официанта, торопясь рассчитаться за обед, и почти с силой потянул женщину за собой. А Дина поддалась, осознавая, что сейчас совершенно не хочет сопротивляться. Более того: ей нужна сейчас эта сила, напористость, в другое время вызвавшая бы ожесточение. Но сейчас его присутствие было необходимым. И отчетливое стремление как можно скорее оказаться дома.

А потом – его губы, руки. Везде. Сейчас была готова позволить все, даже то, от чего прежде отказывалась. Лишь бы забыться. Не чувствовать, не видеть перед собой никого и ничего другого, кроме восхищения, которое Денис и не пытался скрыть. Кроме страсти, сквозящей в каждом жесте. Кроме сумасшествия, охватившего обоих, хоть и по разным причинам.

Сергей подавил в себе желание позвонить генеральному и отказаться от работы с Михайловой. Это было бы слабостью. Признанием того, что ему трудно находиться рядом, что воспоминания живы и по-прежнему имеют значение. Но от той девочки, в которую он когда-то был влюблён, не осталось ничего. Даже внешность стала другой: вызывающей и слишком яркой.

В ней словно сконцентрировались все те черты, которые мужчина не любил. Больше: которые терпел с трудом.

Мягкая, послушная Рита с нескрываемым обожанием в глазах казалась полной противоположностью, но, вспоминая события прошедшего утра и искреннюю нежную страсть женщины, он отчего-то не испытывал удовлетворения, как бывало прежде. Словно вновь вернулся в юность, когда контролировать собственные желания получалось с трудом и тело властвовало над рассудком.

Ритин звонок пришёлся некстати, а приглашение на обед показалось даже навязчивым. Они редко встречались в рабочее время и всегда по инициативе женщины. Но в другой раз Сергей бы не отказался. С утра как раз и ждал чего-то подобного, зная, что задержится допоздна, был почти готов выкроить несколько минут для встречи. Но теперь, выслушивая очередное признание, с тоской осознал, что не готов её видеть сейчас.

– Я занят, милая. Извини. Давай пообедаем в другой раз.

Он не лгал – дел действительно скопилось немало – но разозлился ещё сильнее. На Дину. Если бы не она, отказываться от встречи с Ритой не было бы нужды. И на себя, что не сумел справиться с эмоциями. И на Риту отчего-то за такую ненужную сейчас заботу.

С трудом подавил раздраженный вздох, когда услышал:

– А хочешь, я привезу обед к тебе?

– Я пообедаю у Нади, Рит. Она звонила недавно и просила заехать. Дела какие-то, а мы давно не общались.

Ложь далась слишком легко, и от того на душе стало совсем противно. Зачем было придумывать несуществующий звонок сестры, лишь бы избежать встречи с женщиной? Тем более, что недавние слова о занятости сейчас звучали по меньшей мере нелепо. Но Рита ничего не заметила, привыкшая безоговорочно ему доверять.

– Ну хорошо. Тогда я рада, что ты не останешься голодным. Передавай Надюше привет. Целую тебя.

– Обязательно передам, – Сергей взглянул на часы, проверяя, сможет ли на самом деле заехать к сестре до совещания. Благо, ехать недалеко. И хорошо бы Надя оказалась дома. Только это вряд ли компенсирует его неправду, в собственных глазах так точно.

Он доехал быстро: пробок в это время почти никогда не было. Звонить не стал: почему-то не сомневался, что сестра дома. Да и придумывать причины визита по телефону не хотелось, гораздо проще сказать напрямую, что был рядом и решил заскочить. Тем более, что не виделись они и правда давно.

Здесь сохранились с детства родные запахи, тепла, уюта и какой-то безмятежности, отчего всякий раз приходя к сестре, Сергей словно ненадолго возвращался в то время, когда для мальчишки, которым он был, не существовало неразрешимых проблем. Знал: если и не справится с чем-то, – поможет отец. Поддержит в любой ситуации. Иногда и рассказывать специально о том, что случилось, не было необходимости. Отец видел без слов, когда что-то происходило не так. И у него, и у Нади.

Остановился у подъезда, рассматривая россыпь мелких цветов под окнами.

– Помочь вам, теть Свет? – обратился к пожилой женщине, что неловко охнула, склоняясь к стоящей на земле лейке с водой. Будто вновь услышал собственный возмущенный голос: "Ну, ма-аа-аамммм! Дождь скоро пойдет, а ты с этой лейкой! Ну давай не пойдем!"

Идти приходилось, стоило лишь отцу взглянуть с укоризной. Но тот никогда не ругал, одного взгляда было достаточно. Продолжая ворчать, но уже беззвучно, мальчишка тащил лейку вниз, отчаянно надеясь, что его не увидит никто из одноклассников за таким несерьёзным и немужским занятием.

Потом никак не мог понять, что именно так смущало, почему лишь только боязнь огорчить родителей понуждала к действиям. Ведь в помощи маме не было ничего постыдного. Сей-

час вспоминал эти моменты с горечью: она давно простила его детское упрямство, но вот в собственном сердце так и остался колкий осадок, что он столько раз напрасно причинял боль самому родному человеку.

Соседка распрямилась, заулыбавшись при виде него.

– Сереженька! Да сама я, люблю возиться с цветами, ты же знаешь. После того, как мама твоя переехала, не смогла ее красоту без присмотра оставить. Да и не трудно мне – приятно только. Потихоньку… А ты к Надюше? Она только недавно вернулась, вот обрадуется сейчас! Давно ты не заезжал.

Он улыбнулся в ответ, в очередной раз подумав, что не зря прозвали соседку «всевидящим оком»: от ее глаз действительно ничего не ускользало. Живущая на первом этаже и большую часть времени проводящая с другими старушками во дворе, она умудрялась замечать всё и всех, несмотря на уже преклонный возраст. Когда-то это тоже раздражало мальчишку, стремящегося избежать лишнего контроля со стороны взрослых, теперь же он смотрел на пристрастие соседки с неким снисхождением, понимая, что оправдано оно одиночеством и обычным человеческим любопытством, безобидным по своей сути. Все же прошел в палисадник, подхватывая из рук женщины тяжелую лейку и выливая ее содержимое на клумбу. Это заняло меньше минуты – и отчего он так глуп был в детстве?

А Надя и впрямь обрадовалась. Не ожидала, но по искреннему удовольствию, засветившемуся в ее глазах, Сергей понял все, прежде произнесенных слов.

– Рядом проезжал, решил заскочить ненадолго. Соскучился по твоим вкусным обедам.

Сестра укоризненно рассмеялась.

– Соскучился, как же. Твоя Рита готовит ничуть не хуже, а если бы правда скучал, приезжал бы почаще. Но я ужасно рада, что бы тебя ко мне ни привело.

А он и вправду соскучился. Только не по обедам, которые Надя действительно готовила великолепно. По ней самой. Понял это, вслушиваясь в ее незатейливую болтовню, наслаждаясь уютом оставшегося родным дома. В последнее время они виделись нечасто, и сейчас мысленно отругал себя за это. Ведь заехать так просто, и времени много не надо, а сестра всегда ждет. Жаль, что она до сих пор одна. Предательство мужа вроде бы забылось, да вот только поверить кому-то заново у нее так и не вышло.

– Расскажи, как ты. А то я до утра говорить могу, – Надя налила чай, пододвигая к нему чашку и блюдо с ароматными крендельками. Такими же, как у мамы. Отчего так много воспоминаний сегодня? И добрых, и…

– Мне кажется, или ты на самом деле чем-то озадачен?

– Проницательная ты моя, – не собирался ничего рассказывать, но теперь вдруг подумал, что может быть и стоит это сделать. Надя всегда его понимала, как никто другой. Такое удавалось разве что еще… нет, об этом точно не стоит вспоминать!

– Сережа, что случилось? Какие-то проблемы на работе? Ты ведь приехал не просто так, да?

– Не проблемы, – мужчина задумался, не зная, как правильно назвать то, что с утра мешало расслабиться. Надя взяла ложечку со стола и, глядя на ее руки, вдруг отчетливо увидел другие: изящные пальцы, сжимающие карандаш. И тотчас снова ощутил злость из-за равнодушия Михайловой. Из-за желания, снова ожившего в теле совершенно некстати. Да что такое творится!

Сестра молчала, ожидая ответа, и Сергей не стал больше тянуть. Только заговорил не о себе. Задал вопрос, когда-то бывший очень значимым, а сейчас вдруг оживший в памяти.

– За что ты так сильно не любила Дину? Чем она тебе не угодила?

Надя как будто застыла, лишь машинально продолжая помешивать сахар в чашке, а следом замер и Сергей, поражаясь внезапно произошедшим в сестре переменам. В повисшей тишине лишь позванивала ложечка, ударяясь о край тонкого фарфора, и этот вроде бы совер-

шенно безобидный звук вдруг стал угнетающим. Мужчина смотрел на механические движения Нади, а в сердце нарастало какое-то странное чувство. Нет, не страх: он давно уже не испытывал ничего подобного – но что-то, граничащее с безнадежностью. Еще не слыша слов сестры, Сергей словно знал уже, что ничего доброго она не скажет. И что прошлое не просто вернулось – подошло вплотную: и в облике женщины, когда-то значащей для него так много, и в дикой потребности найти ответы на вопросы, что до сих пор были спрятаны в глубине души.

– Надя? – ее побледневшее лицо озадачило еще больше. Сейчас женщина очень напоминала мать, уставшую от жизни, огорченную, и в то же время отчаянно старающуюся отсрочить неизбежное. Сергей посмотрел ей в глаза. – Надюш, что случилось? На тебе лица нет.

– Почему ты сейчас заговорил об этом? Девять лет прошло.

– Вот именно, – он нахмурился. – Девять лет, а ты все так же ее ненавидишь. Хочу понять причину.

– Какая теперь разница? – Надя неопределенно дернула плечом, попытавшись улыбнуться, но улыбка вышла кривой и абсолютно неискренней, тем более что Сергей прекрасно знал, как умеет радоваться его сестра. Сейчас ничего подобного не было и в помине.

Он вздохнул, понимая, что без объяснений точно не обойтись.

– Есть некоторая. Мне навязали новый проект работе. А дизайнер, с которым придется работать, – Дина Михайлова.

Минуту назад ему казалось, что сестра и так слишком бледна и обеспокоена. Но теперь это не шло ни в какое сравнение со смятением, отразившимся в одно мгновенье на красивом лице.

– Нет… – сказала даже не ему, а внезапно погружаясь в свои собственные мысли. Сергей лишь смотрел на то, как темнеют, наполняясь слезами, ее глаза.

– Надя…

– Почему?! – выкрикнула со смесью обиды и нарастающего напряжения, словно это брат был виноват в случившемся. – Почему опять?!

– Надя… Я никогда не видел, чтобы ты относилась так хоть к кому-то. И не понимаю, чем Дина зацепила тебя тогда. Чем до сих пор цепляет, раз ты так болезненно реагируешь на одно упоминание о ней.

– Я ее ненавижу, – процедила в ответ сквозь зубы и отошла к окну, стараясь не смотреть на брата. Но он успел заметить заблестевшие на ресницах капли. И опять разозлился: что могла натворить Михайлова, чтобы столько лет спустя все еще причинять боль дорогому для него человеку.

– Это я понял. Но вот причина для меня по-прежнему остается загадкой. Тогда я не стал настаивать: нам и без твоего недовольства хватило поводов, чтобы расстаться. Но теперь тебе придется все рассказать.

Надя повернулась, уже не пряча слез, тонкими струйками бегущих по щекам. А ему показалось вдруг, что перед ним не взрослая, состоявшаяся и вроде бы успешная женщина, а маленькая девочка, столкнувшаяся с тем, что решить ребенку не под силу и оттого совершенно отчаявшаяся. В детстве в такие минуты хватало родительской ласки, надежных объятий и слов, уверяющих, что все будет хорошо. Сейчас же он понимал, что не может ни сделать, ни сказать ничего подобного, особенно после того, как услышал ее звенящий шепот:

– Это была она. Тогда… с Максимом.

Глава 4

Сергей уставился на сестру, отчего-то уверенный, что она сейчас признается: это шутка. Неуместная, глупая – но шутка. Не могло в действительности быть так, как сказала Надя. Дина никогда не пошла бы на…

Или пошла бы? Сколько времени они провели вместе? Достаточно, чтобы делать выводы? Сергей ведь и тогда был уверен, что знает любимую женщину очень хорошо. Что научился угадывать её желания и читать невысказанные мысли. Но если бы действительно знал, случилось ли бы все это? Или она настоящая – такая, какой была сегодня? А все остальное – маска, которую женщина носила более чем умело?

Но женатый мужчина… как она могла? Ведь уверяла когда-то, что ненавидит ложь и предательство.

Ему внезапно стало смешно: собственные рассуждения показались нелепыми. Это он, противореча всем своим жизненным принципам, поверил. Подпустил слишком близко. Позволил обосноваться в сердце эту…

Надя вздрогнула, поднимаясь на него изумленные глаза, и мужчина понял, что выругался вслух. Усмехнулся: сестра по-прежнему считает его безупречным, как повелось с самого детства. Не слышала ничего подобного от него ни разу. Да вот только и такого определения недостаточно. Для НЕЁ. Для их общего прошлого, такого ненавистного сейчас.

– Почему ты мне не сказала?

Надя повела плечом, снова отворачиваясь к окну. Там начался дождь, который совсем недавно ничего не предвещало. Обычное дело для их города, но шелест ударяющих в стекло капель отчего-то болезненно отозвался внутри. Или это от слез сестры ему стало так муторно? От ее немыслимого признания?

Есть вещи, которые хочется забыть. Как сон, который внезапно потряс сознание, выбросить из головы, чтобы никогда к этому не возвращаться. Стереть из памяти. Освободиться, разрывая незримые узы.

Вот только не было такой возможности. Сергей помнил слишком хорошо. И сумасшедшую тревогу, накрывшую с головой после звонка из больницы. И то, с какой скоростью гнал машину, игнорируя дорожные знаки и сигналы светофора. Как только удалось избежать аварии, до сих пор оставалось загадкой. Разве что ангелы сберегли, помогая как можно скорее оказаться рядом с сестрой. Или иные силы… Потому что совсем не ангельские чувства наполнили его в тот момент, когда он попал в палату.

На фоне сероватого постельного белья лицо Нади казалось бесцветным. Сергей не мог вспомнить, чтобы сестра ещё когда-то выглядела так, но его напугало не это. Тонкое одеяло плотно облегало тело, подчеркивая все формы. Живота не было. Мужчина отметил это скорее машинально, пока словно не понимая. Но в голове надрывно зазвучал её смех. Воспоминания о недавних шутках, когда Надя потешалась над тем, какой неуклюжей стала к концу беременности. А переполненный любовью взгляд на собственный живот слишком сильно отличался от той пустоты, что отчетливо виделась теперь в глазах.

Он молчал, с трудом осознавая происходящее. Прошло несколько минут, показавшиеся бесконечными, потому что нужные слова все не находились. Сколько раз за свою жизнь ему приходилось утешать сестренку, с самого детства, и это всегда отлично выходило. Но теперь и сам оказался совершенно беспомощным. Злился на себя – и ничего не мог поделать. Словно попал в заколдованный круг, где вместо выхода каждый новый шаг запутывает еще больше.

Впрочем, Надя и не ждала утешений. Когда он опустился на постель, обнимая сестру за плечи, уткнулась ему в плечо и заплакала, будто только этого мгновенья и ждала. Заплакала

горько, навзрыд, пряча лицо, словно стыдясь собственного горя и одновременно не имея сил отстраниться.

Сергей долго молчал. Как могло такое случиться, если еще вчера все было хорошо? Бывает, слышал, но что может подойти так близко, коснуться его сестры – и в голову не приходило. И что делать, говорить дальше, понятия не имел.

А потом неожиданно понял, что не видит в палате того, кто должен был находиться здесь непременно.

– Надюша, где Максим?

Муж сестры работал на другом конце города и довольно часто оказывался вне зоны доступа. Это было единственное логичное объяснение тому, почему его до сих пор нет рядом. Врач не смог дозвониться? И сама Надя? Сергей вытащил телефон с намерением это исправить.

– Нет! Не звони ему! – голос, только что бывший едва слышимым, зазвенел в тишине палаты неестественно громко. – Сережа, нет! – она дернулась, словно намереваясь встать, и снова заплакала, еще более надрывно.

– Почему нет, Надя?

Они виделись всего несколько дней назад, и Максим то и дело говорил о ребенке. Пожалуй, даже больше самой Надежды. Строил какие-то планы, рассказывал, что будет делать вместе с сыном, уверенный, что родится именно мальчик. Сергей тогда в очередной раз порадовался счастью сестры. Такому не страшно доверить близкого человека. Отчего же сейчас она боится рассказать о том, что случилось? Сомневается в поддержке Максима? Но это невозможно…

Надя приподнялась, снова утыкаясь ему в плечо, и повторила:

– Не звони… Не хочу его видеть… Никогда больше…

И предваряя неизбежные вопросы, выдохнула уже тише:

– Это он виноват… Я видела его… их… у нас дома… в нашей…

В первое мгновенье Сергею показалось, что он ослышался. Что Надя говорит о чем-то другом или случившаяся беда ослепила. Влюбленный в жену Максим, верный, надежный, ни за что бы…

Снова почувствовал себя ребенком, перепуганным мальчишкой, готовым бежать со всех ног прочь от темной комнаты, или стремящимся поскорее проснуться, избавляясь от страшного сна. Взрослый человек не может испытывать такое смятение. Да и услышанное – что угодно, но не правда.

– Сережа… Я не сошла с ума. И не перепутала ничего… – кажется, он сказал о своих сомнениях вслух, и Надя ответила, вдруг превратившись в безжизненную куклу. Как будто только после собственного признания осознала всю безысходность случившегося. – Ненавижу… – едва различил ее шепот. – Пожалуйста… Сережа… помоги мне… чтобы он больше никогда, никогда не приближался ко мне…

Просьба оказалась излишней: Максим и не пытался приблизиться. Или понял сразу, что у него нет никаких шансов, или же оказался еще бОльшим подлецом, даже не попытавшись ничего исправить. Надя считала именно так, но, тем не менее, взяла с брата обещание, что и он не станет встречаться с ее мужем. Ни по каким причинам: ни вправлять мозги, ни для попыток помирить.

– Хочу все забыть, все, понимаешь? Пусть живет, как ему вздумается. С кем угодно. Его больше нет для меня.

Сегодня же Сергей впервые пожалел, что послушался тогда и не стал ничего выяснять. Ни про Максима, ни о причинах ненависти Нади к женщине, которая была такой близкой. Черт… прошло уже два часа, он пересек полгорода, а кажется, до сих пор ощущает запах ее духов. И от воспоминаний так мерзко…

– А что бы изменили мои слова? Она ушла, и я надеялась, что мы больше никогда не встретимся. Поверишь, благодарила судьбу за такой подарок: что ее не стало в твоей жизни. А теперь опять… ты ведь откажешься от этого проекта? Не будешь… с ней?

Это казалось логичным, а вспыхнувшая в глазах сестры надежда почти убедила в правильности именно такого шага: позвонить директору и отказаться, послать подальше и Дину, и весь проект. В компании полно других людей, которые прекрасно с этим справятся. Но одновременно с этими мыслями пришла уверенность в том, что ничего подобного он не сделает. Как раз наоборот: постарается, чтобы во время работы они пересекались с Михайловой почаще. Ребенок Нади, разбитый брак, его собственное дитя, так и не увидевшее свет из-за прихоти… Слишком много причин, чтобы сейчас продолжить игру. Вот только уже по другим правилам.

– Диночка, не представляете, как я рад, что вы с Астаховым наконец-то встретились и нашли общий язык! – директор разве что руки от удовольствия не потирал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.